

Старый дом

Нужно было сломать старый дом, чтобы на месте его построить новый. Я водил архитектора по пустым комнатам и между делом рассказывал ему разные истории. Рваные обои, тусклые окна, темные печи всё это носило следы недавней жизни и вызывало воспоминания. По этой, например, лестнице однажды пьяные люди несли покойника, спотыкнулись и вместе с гробом полетели вниз; живые больно ушиблись, а мертвый, как ни в чем не бывало, был очень серьезен и покачивал головой, когда его поднимали с пола и опять укладывали в гроб. Вот три подряд двери: тут жили барышни, которые часто принимали у себя гостей, а потому одевались чище всех жильцов и исправно платили за квартиру. Дверь, что в конце коридора, ведет в прачечную, где днем мыли белье, а ночью шумели и пили пиво. А в этой квартирке из трех комнат всё насквозь пропитано бактериями и бациллами. Тут нехорошо. Тут погибло много жильцов, и я положительно утверждаю, что эта квартира кем-то когда-то была проклята и что в ней вместе с жильцами всегда жил еще кто-то, невидимый. Особенно памятна мне судьба одной семьи. Представьте вы себе ничем не замечательного, обыкновенного человечка, у которого есть мать, жена и четверо ребят. Звали его Путохиным, служил он писцом у нотариуса и получал 35 рублей в месяц. Это был человек трезвый, религиозный, серьезный. Когда он приносил ко мне деньги за квартиру, то всегда извинялся, что плохо одет; извинялся, что просрочил пять дней, и когда я давал ему расписку в получении, то он добродушно улыбался и говорил: Ну, вот еще! Не люблю я этих расписок! Жил он бедно, но чисто. В этой средней комнате помещались четверо ребят и их бабушка; тут варили, спали, принимали гостей и даже танцевали. В этой комнатке жил сам Путохин; у него был стол, за которым он исполнял частные заказы: переписывал роли, доклады и т. п. Тут, направо, обитал его жилец, слесарь Егорыч степенный, но пьющий человек; всегда ему было жарко, и оттого он всегда ходил босиком и в одной жилетке. Егорыч починял замки, пистолеты, детские велосипеды, не отказывался чинить дешевые стенные часы, делал за четвертак коньки, но эту работу он презирал и считал себя специалистом по части музыкальных инструментов. На его столе, среди стального и железного хлама, всегда можно было увидеть гармонику с отломанным клапаном или трубу с вогнутыми боками. Платил он за комнату Путохину два с полтиной, всегда был около своего верстака и выходил только для того, чтобы сунуть в печку какую-нибудь железку.

Когда я, что бывало очень редко, заходил вечерами в эту квартиру, то всякий

раз заставлял такую картину: Путохин сидел за своим столом и переписывал что-нибудь, его мать и жена, тощая женщина с утомленным лицом, сидели около лампы и шили; Егорыч визжал терпугом. А горячая, еще не совсем потухшая печка испускала из себя жар и духоту; в тяжелом воздухе пахло щами, пеленками и Егорычем. Бедно и душно, но от рабочих лиц, от детских штанишек, развешанных вдоль печки, от железок Егорыча веяло все-таки миром, лаской, довольством... За дверями, в коридоре бегали детишки, причесанные, веселые и глубоко убежденные в том, что на этом свете все обстоит благополучно и так будет без конца, стоит только по утрам и ложась спать молиться богу.

Теперь представьте себе, что посреди этой самой комнаты, в двух шагах от печки, стоит гроб, в котором лежит жена Путохина. Нет того мужа, жена которого жила бы вечно, но тут эта смерть имела что-то особенное. Когда я во время панихиды взглянул на серьезное лицо мужа, на его строгие глаза, то подумал:

Эге, брат!

Мне казалось, что он сам, его дети, бабушка, Егорыч уже намечены тем невидимым существом, которое жило с ними в этой квартире. Я глубоко суеверный человек, быть может, оттого, что я домовладелец, и сорок лет имел дело с жильцами. Я верю в то, что если вам не везет в карты с самого начала, то вы будете проигрывать до конца; когда судьбе нужно стереть с лица земли вас и вашу семью, то всё время она остается неумолимо последовательной и первое несчастье обыкновенно бывает только началом длинной цепи... По своей природе несчастья те же камни. Нужно только одному камню свалиться с высокого берега, чтобы за ним посыпались другие. Одним словом, уходя после панихиды от Путохина, я верил, что ему и его семье несдобровать... Действительно, проходит неделя, и нотариус неожиданно дает Путохину отставку и на его место сажает какую-то барышню. И что же? Путохина взволновала не столько потеря места, как то, что вместо него посадили именно барышню, а не мужчину. Почему барышню? Это его так оскорбило, что он, вернувшись домой, пересек своих ребятишек, обругал мать и напился пьян. За компанию с ним напился и Егорыч.

Путохин принес мне плату за квартиру, но уже не извинялся, хотя просрочил 18 дней, и молчал, когда брал от меня расписку в получении. На следующий месяц деньги принесла уже мать; она дала мне только половину, а другую половину обещала через неделю. На третий месяц я не получил ни копейки и дворник стал мне жаловаться, что жильцы квартиры № 23 ведут себя неблагородно. Это были нехорошие симптомы.

Представьте вы себе такую картину. Хмурое петербургское утро глядит в эти тусклые окна. Около печки старуха поит детей чаем. Только старший внук

Вася пьет из стакана, а остальным чай наливается прямо в блюдечки. Перед печкой сидит на корточках Егорыч и сует железку в огонь. От вчерашнего пьянства у него тяжела голова и мутны глаза; он крикает, дрожит и кашляет. Совсем с пути сбил, дьявол! ворчит он. Сам пьет и других в грех вводит.

Путохин сидит в своей комнате на кровати, на которой давно уже нет ни одеяла, ни подушек, и, запустив руки в волосы, тупо глядит себе под ноги. Он оборван, нечесан, болен.

Пей, пей скорей, а то в школу опоздаешь! торопит старуха Васю. Да и мне время идти к жидам полы мыть...

Во всей квартире только одна старуха не падает духом. Она вспомнила старину и занялась грязной, черной работой. По пятницам она моет у евреев в ссудной кассе полы, по субботам ходит к купцам стирать и по воскресеньям, с утра до вечера, бегает по городу и разыскивает благодетельниц. Каждый день у нее какая-нибудь работа. Она и стирает, и полы моет, и младенцев принимает, и сватает, и нищенствует. Правда, и она не прочь выпить с горя, но и в пьяном виде не забывает своих обязанностей. На Руси много таких крепких старух, и сколько благополучии держится на них!

Напившись чаю, Вася укладывает в сумку свои книги и идет за печку; тут рядом с платьями бабушки должно висеть его пальто. Через минуту он выходит из-за печки и спрашивает:

А где же мое пальто?

Бабушка и остальные ребятишки начинают вместе искать пальто, ищут долго, но пальто как в воду кануло. Где оно? Бабушка и Вася бледны, испуганы. Даже Егорыч удивлен. Молчит и не двигается один только Путохин. Чуткий ко всякого рода беспорядкам, на этот раз он делает вид, что ничего не видит и не слышит. Это подозрительно.

Он пропил! заявляет Егорыч.

Путохин молчит, значит, это правда. Вася в ужасе. Его пальто, прекрасное пальто, сшитое из суконного платья покойной матери, пальто на прекрасной коленкоровой подкладке, пропито в кабаке! А вместе с пальто, значит, пропит и синий карандаш, лежавший в боковом кармане, и записная книжка с золотыми буквами *Nota bene*! В книжке засунут другой карандаш с резинкой, и, кроме того, в ней лежат переводные картинки.

Вася охотно бы заплакал, но плакать нельзя. Если отец, у которого болит голова, услышит плач, то закричит, затопает ногами и начнет драться, а с похмелья дерется он ужасно. Бабушка вступится за Васю, а отец ударит и бабушку; кончится тем, что Егорыч вмешается в драку, вцепится в отца и вместе с ним упадет на пол. Оба валяются на полу, барахтаются и дышат пьяной, животной злобой, а бабушка плачет, дети визжат, соседи посылают за дворником. Нет, лучше не плакать.

Оттого, что нельзя плакать и возмущаться вслух, Вася мычит, ломает руки и дрыгает ногами, или, укусив себе рукав, долго треплет его зубами, как собака зайца. Глаза его безумны, и лицо искривлено отчаянием. Глядя на него, бабушка вдруг срывает со своей головы платок и начинает тоже выделявать руками и ногами разные штуки, молча, уставившись глазами в одну точку. И в это время, я думаю, в головах мальчика и старухи сидит ясная уверенность, что их жизнь погибла, что надежды нет...

Путохин не слышит плача, но ему из его комнатки всё видно. Когда полчаса спустя Вася, окутанный в бабушкину шаль, уходит в школу, он, с лицом, которое я не берусь описать, выходит на улицу и идет за ним. Ему хочется окликнуть мальчика, утешить, попросить прощения, дать ему честное слово, призвать покойную мать в свидетели, но из груди вместо слов вырываются одни рыдания. Утро сырое, холодное. Дойдя до городского училища, Вася, чтобы товарищи не сказали, что он похож на бабу, распутывает шаль и входит в училище в одной только куртке. А вернувшись домой, Путохин рыдает, бормочет какие-то несвязные слова, кланяется в ноги и матери, и Егорычу, и его верстаку. Потом, немного придя в себя, он бежит ко мне и, задыхаясь, ради бога просит у меня какого-нибудь места. Я его обнадеживаю, конечно. Наконец-таки я очнулся! говорит он. Пора уж и за ум взяться.

Побезобразничал и будет с меня.

Он радуется и благодарит меня, а я, который за всё время, пока владею домом, отлично изучил этих господ жильцов, гляжу на него, и так и хочется мне сказать ему:

Поздно, голубчик! Ты уже умер!

От меня Путохин бежит к городскому училищу. Тут он шагает и ждет, когда выпустят его мальчика.

Вот что, Вася! говорит он радостно, когда Вася наконец выходит. Мне сейчас обещали место. погоди, я куплю тебе отличную шубу... я тебя в гимназию отдам! Понимаешь? В гимназию! Я тебя в дворяне выведу! А пить больше не буду. Честное слово, не буду.

И он глубоко верит в светлое будущее. Но вот наступает вечер. Старуха, вернувшись от жидов с двугривенным, утомленная и разбитая, принимается за стирку детского белья. Вася сидит и решает задачу. Егорыч не работает. По милости Путохина он спился и теперь чувствует неодолимую жажду выпить. В комнатах душно, жарко. От корыта, в котором старуха моет белье, валит пар. Пойдем, что ли? угрюмо спрашивает Егорыч.

Мой жилец молчит. После возбуждения ему становится невыносимо скучно. Он борется с желанием выпить, с тоской и... и, конечно, тоска берет верх.

История известная...

К ночи Егорыч и Путохин уходят, а утром Вася не находит бабушкиной шали. Вот какая история происходила в этой квартире. Пропивши шаль, Путохин уж больше не возвращался домой. Куда он исчез, я не знаю. После того как он пропал, старуха сначала запила, а потом слегла. Ее свезли в больницу, младших ребят взяла какая-то родня, а Вася поступил вот в эту прачечную. Днем он подавал утюги, а ночью бегал за пивом. Когда из прачечной его выгнали, он поступил к одной из барышень, бегал по ночам, исполняя какие-то поручения, и его звали уже вышибалой. Что дальше было с ним, я не знаю.

А в этой вот комнате десять лет жил нищий-музыкант. Когда он умер, в его перине нашли двадцать тысяч.